

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ШУМИТ

МУДЬЮГА

Аркадий Петрович Гайдар

Шумит Мудьюга

Аннотация

«В лесу, недалеко от устья извилистой речки Мудьюги, сошлись кучкой деревни: Кушкушара, Горки, Наволок, Верховье, Патракеево и Кадь.

При въезде в любую из этих деревень, объединяемых Патракеевским сельсоветом, первое, что удивит глаз чужого человека, это множество больших, красивых домов. Они не похожи ни на городские домики рабочих окраин, ни на просторные, тяжелые избы северных деревень. Крытые железом, окрашенные в голубой или серый цвет, разделенные на несколько комнат, заставленных буфетами, шкафами, диванами и этажерками, они напоминают купеческие особняки бывшего уездного города...»

Аркадий Гайдар

Шумит Мудьюга

В лесу, недалеко от устья извилистой речки Мудьюги, сошлись кучкой деревни: Кушкушара, Горки, Наволок, Верховье, Патракеево и Кадь.

При въезде в любую из этих деревень, объединяемых Патракеевским сельсоветом, первое, что удивит глаз чужого человека, это множество больших, красивых домов. Они не похожи ни на городские домики рабочих окраин, ни на просторные, тяжелые избы северных деревень. Крытые железом, окрашенные в голубой или серый цвет, разделенные на несколько комнат, заставленных буфетами, шкафами, диванами и этажерками, они напоминают купеческие особняки бывшего уездного города.

Все это дома судовладельцев. Тех самых, которые имели на Мудьюге в прежние времена до 150 парусных судов и ходили за грузом рыбы в Мурманск и Норвегию.

Они были хозяевами моря, ибо это они устанавливали на рыбу продажные цены. Они были хозяевами Мудьюги-реки и Зимнего берега, ибо это они на своих судах содержали матросами почти всю остальную рабочую силу окрестных деревень.

Старые ветры дуют с моря. Старые хозяева гнут к старому. Но по-новому нынче хочет жить рыбацкая промысловая

Мудьюга.

Возле колодцев, возле прорубей, где собираются бабы, у сельсовета, в школе, в больнице, на собраниях, в бедняцких избушках и кулацких доминах – повсюду услышит новый человек живое слово:

– Колхоз... насчет колхоза. Скоро ли колхоз?

– Провалиться бы этому колхозу!

– Федор записался уже в колхоз.

– Семен тоже записался.

– Никчемная, по-моему, эта затея.

– Слыхали, а кулак Курконосов сам пришел проситься в колхоз. «Я, говорит, и сам стою за это дело».

– Слыхали, а беднячка Копытова записалась, да назад. Засмеяли, говорит, соседи.

– А кто у ней соседи? Известно кто!

– Жили и без колхоза.

– Ты, Иван Петрович, жил, ты кулак, тебе что было не жить?

– Ну, ну, потише. Я тебе не кулак, а середняк.

– Знаем мы вас, таких середняков. За таких середняков сельсовету в шею надо бы.

Шумит и волнуется рыбацкая Мудьюга, и митингует Куш-кушара, собирают сходку горки, обсуждают план колхоза Наволок. И Верховье, и Патракеево, и Кадь обсуждают тоже.

Нелегко строить колхоз там, где на 400 дворов приходит-

ся 36 одних явных кулаков-лишенцев. 36 крупных морских акул, уже затонувших, но еще не обломавших свои цепкие, хищные зубы. Из 400 дворов эти 36 заплатили 60 процентов всего сельхозналога. Около них группируются кучки хищников помельче. Многие из них пока еще в защитной краске середняка. Многие хищники исподтишка и потихоньку.

– Зачем нам колхоз, – говорят они. – Ведь у нас есть рыбацко-промысловое кооперативное товарищество. Вот где надо объединяться и незачем затевать новое дело.

– Разве не кооперация столбовая дорога к социализму? Надо объединяться вокруг кооперации, а не заниматься выдумкой колхозов.

– Вот, – сказал мне председатель промысловой артели. – Вот вам все личные учетные карточки Рыбаксоюза. Их тут почти полторы сотни. В этой пачке отдельно бедняки, в этой – середняки, а вот здесь кулаки. Кулаков у нас было 5 штук, а теперь нет – вычистили.

Я отложил пятерых кулаков в сторону и взял две оставшиеся пачки и сразу же по весу определил, что бедняки как-то подозрительно легковаты, а середняки крепко потянули книзу.

Бедняков – 37, середняков – 98, кулаков нет, батраков нет тоже.

Было интересно рассматривать карточки и по сумме налога, по обороту от промыслов, по оценке рыболовного ин-

вентаря создавать себе представление о характере незнакомого мне хозяйства бедняка Ивана Федорова или середняка Петра Иванова.

Однако вскоре простая любознательность перешла в удивление, ибо цифры ясно и несомненно показывали, что никакой кооперативной артели нет, а есть группа лиц, объединенных только одним сбытом, группа, в которой каждый член промышляет на свой страх и риск.

По карточкам я нашел членов артели, орудия промысла которых оцениваются в 2 тысячи рублей с копейками.

Еще больше того: я увидел, что есть члены кооператива, у которых орудий лова больше, чем тех, которыми они обслуживают кооперацию. И что допускаются такие случаи, когда член артели одними неводами ловит рыбу как член кооператива, а другими, запасными, как вольный и частный хозяйчик.

За укрепление этой-то промысловой артели и хлопочут многие «середняки». Эту-то самую артель и пытаются они противопоставить вновь организуемому колхозу.

Но удар по артели последовал от низов. Из 37 бедняков 15 сразу же отказались от артели и пошли записываться во вновь организуемый колхоз, ибо они поняли, что только колхоз, где действительно обобществлены все средства производства, и сможет поставить их в условия равноправных членов, а не будет держать их на положении пасынков, о которых вспоминают только в момент необходимости предста-

вить сведения о благополучном классовом составе артели.

Немало явных и тайных врагов у колхоза, особенно с тех пор, как объявил Окрисполком Приморский район районом сплошной коллективизации.

В упор заглянула гибель на хозяйство кулака. Вздрыбился и сбросил маску благодушия и лояльности обороняющийся кулак. Прежде чем выступить самому, он завербовал себе помощников, которых давно бы пора перевести в кулацкую категорию.

Эти мощные середняки по-разному пытались угробить идею создания колхоза.

Например, крупный середняк и бывший член партии Копытов выступил с речью, в которой он, в общем, приветствовал почин организации колхоза, но он предлагал внести одну поправку, что для начала колхоз должен организоваться только из середняцких хозяйств, ибо это будет экономически выгоднее, ибо мощному объединению будет больше доверия и больше кредитов. А когда колхоз развернется, то тогда можно будет втягивать (?) и бедноту.

Тогда же некто Гроздников выступил с заявлением о том, что Ленин учил строить социализм в деревне постепенно, а не рывками и что нехорошо и стыдно нарушать заветы дорогого вождя.

Но одним из самых тонких и хитрых ходов, которые были предприняты против организации колхоза частью зажи-

точных рыбаков (особенно из артели, которая с уходом бедняцкой прослойки оголяла свою классовую сущность), было неоднократно вносимое предложение о том, что товарищества по общественным промыслам с обобществленными средствами производства, скотом и инвентарем создавать не надо. Если создавать, так создавать сразу коммуны с полным обобществлением. Смысл этого хода следующий:

Во-первых, инициаторы нашли удобный «революционный» предлог, которым оправдывалось бы их нежелание идти в колхоз.

Во-вторых, требуя немедленного обобществления всего имущества, они пытались отпугнуть ту часть середнячества, которая собиралась идти пока в колхоз, а не в коммуну.

Этот маневр был вовремя разгадан, и враждебные колхозу «друзья» коммуны были разоблачаемы на каждом собрании силами местных и приезжих коммунистов и комсомольцев.

Топор революции рубит корни, соками от которых питалось кулацкое хозяйство. Если при промысловой артели часть беднячества еще эксплуатировалась и на промыслах и на вязке снастей, то с организацией колхозов этому наступит конец.

Плохо только то, что на Мудьюге местные партийцы и сельсовет, с головой ушедшие в работу по организации коммуны, забыли на некоторое время про кулака, надеясь на то, что с организацией колхоза кулачество, не имеющее возмож-

ности получить рабочую силу, отомрет само собой. Плохо, что не принимается мер против того, что кулак заблаговременно разбазарит имущество и распродаст скот.

С некоторым удивлением (и только) в сельсовете мне сказали:

– Вот ведь удивительное дело! Раньше, бывало, наша местная кооперация никак не могла закупить для лесозаготовок достаточного количества скота. Покупала от случая к случаю. А теперь за день штуки по две, по три скота приводят, и это только сюда, а, вероятно, ведут еще и на сторону.

Но кулачество занимается не только тем, что готовится к самоликвидации. Еще недавно там же, на Мудьюге, 12 кулаков были осуждены на разные сроки за антисоветскую агитацию против лесозаготовок. Еще недавно была избита секретарь сельсовета Титова.

И совсем уже недавно были перерезаны все гужи у обоза колхозников на лесозаготовках.

В просторных, пустых комнатах было тихо и прохладно. Сидя на диване, бывший судовладелец Шунин говорил мне так:

– Колхоз так колхоз... Ну и пускай колхоз. Захотели люди сообща работать, и пусть их себе работают. Но меня-то зачем трогать? Я колхоза не трогаю, и он меня не должен трогать. А впрочем, это в истории не в первый раз. Были когда-то и христианские общины – то есть коммуны; были и Парижские и еще какие-то там коммуны; мало ли чего в истории не бы-

ло. Были и ушли... И ушли, – повторил он, выпрямляясь и чуть повышая голос, – и ушли потому, что человек не рыба, не треска, не селедка, чтобы ему стадом ходить. У человека своя голова и свой ум, так что каждый, ежели он честно и по-трудовому работает, никому не мешая и не задевая, должен иметь право жить сам по себе.

И, как бы спохватившись, сразу он засуетился, глаза его потухли, и он забарабанил пальцем по блестящему бронзовому подсвечнику.

Была лунная морозная ночь, когда я вышел от Шунина. – Здорово! – сказал мне, догоняя, незнакомый человек. – Я вас сегодня на собрании в сельсовете видел, – пояснил он. – Что, к нему ходили? Тоже жила был! – добавил он, указывая пальцем на большой голубой дом. – Я с малолетства с ним на судах ходил. С девяти годов. Ну, кашу там варил, посуду мыл, палубу... Ве-се-лая была жизнь! Весной со льдом уйдешь, осенью ко льду вернешься. Получай хозяйскую благодарность – горсть конфет да трешницу денег. Ве-се-лая была жизнь! – усмехнувшись, еще раз повторил он и завернул в проулок, где мелькал огонек, в избу, в которой затянулось до полночи бедняцкое собрание.

«Правда Севера» (Архангельск), 1930, 8 февраля